

Резкий постучали в дверь. Она остановилась, кровь в ее венах превратилась в лед.

"Я не говорил тебе останавливаться. Трахни себя!"

Она захныкала и подчинилась. Фаллоимитатор начал снова погружаться и выходить.

Он надел халат и вышел из спальни, почти полностью закрыв за собой дверь. Ее челюсть болела, и широкий стальной стержень, размещенный в ее заднице, вибрировал в резонансе с фаллоимитатором, когда она трахала себя в одиночестве и в тишине. Она услышала голос Энтони в соседней комнате, поблагодаривший посыльного за то, что он так быстро доставил свою посылку.

«Хм, теперь давайте поговорим, о твоих чаевых», сказал он. «Ну, у меня нет моего кошелька, как ты можешь видеть. Поэтому я могу включить твои чаевые в оплату номера, или, ты предпочитаешь посмотреть, как моя жена мастурбирует».

Она ахнула и замерла, фаллоимитатор воткнулся глубоко.

Его голос послышался через дверь. «Нет, я довольно серьезно. Она в другой комнате, трахает себя большим черным дилдо прямо сейчас».

Пауза, затем смех. "Я думаю, что ты можешь." Дверь распахнулась, Энтони и еще один мужчина, одетый в форму отеля, посмотрели на нее.

Ее сердце замерло. Она уставилась на посыльного - молодого человека лет двадцати, в очках и с табличкой с надписью «Хит» - тотально парализованная. Время, казалось, замедлилось, и она быстро осознала свое положение. Сперма растеклась по ее волосам, серебристый металлический зонд торчал из ее задницы, струйки влаги, стекающие по ее запястьям и по груди, слабый зуд высохшей спермы на подбородке, твердое кольцо, застрявшее у нее во рту, устойчивая вибрация фаллоимитатора внутри ее киски, твердость наручников, связывающих ее запястья, все это заполнило ее сознание. Она услышала издали длинный, тонкий стон, а затем с удивлением поняла, что он исходит от нее.

"Ей нравится, когда за ней следят?" спросил посыльный, его глаза не покидали ее тела.

Энтони засмеялся. «Скажем так, это не первый раз, когда она трахает себя перед аудиторией», - сказал он. «До сих пор она кончала каждый раз. Покажи ему, дорогая».

Она слегка покачала головой, широко раскрыв глаза.

"Не стесняйся. Он хочет, чтобы ты кончила. Если только ты не думаешь, что было бы веселее сделать ему минет, чем мастурбировать для него. Ты бы предпочла сделать это?"

"Она сделает это?" взволнованно спросил он.

"О, да. У нее довольно превосходный рот. Но это решит она. Что бы ты хотела сделать, дорогая?"

Медленно, дрожащими руками, она крепко сжала фаллоимитатор и начала двигаться. Волны стыда накрыли ее, когда она мастурбировала. Ее взгляд был прикован к доставщику, она не могла отвести взгляд, боясь того, что она может увидеть, если заглянет ему между ног, как она будет себя чувствовать, если увидит растущую там выпуклость. Бабочки превратились в вихрь в ее животе, и она протаранила себя дилдо. Смущение охватило ее грудь, ее ноги начали дрожать, и она с тревогой знала, что собирается кончить, и что ничто не могло этому помешать

Она удерживала взгляд на глазах посыльного, когда оргазм накрыл ее. Она закричала в экстазе и мощно сжалась вокруг толстого резинового фаллоимитатора. Все ее тело дрожало от ее оргазма ... и на короткое мгновение, прямо на пике, она задавалась вопросом, каково было бы иметь его пенис во рту, когда она кончала.

Потом оргазм стих, и она почувствовала отвращение от этой мысли. Она отвернулась от мужчин, желая скрыть свое лицо.

"Как ты думаешь?" Спросил Энтони. " Это того стоило?"

"О, да!"

«Если нам будет нужно что-то еще, могу ли я обратиться тебе, чтобы ты позаботиться об этом?»

«Да, сэр! Вы можете рассчитывать на меня».

«Хорошо», сказал Энтони. «Мы обсудим, какие чаевые ты получишь в следующий раз, когда мне что-то понадобится. Теперь, если ты не против мы ...»

Посыльный ухмыльнулся, покачал головой и чуть не врезался в дверь на выходе. Энтони повернулся к своей невесте, которая свернулась калачиком на полу у кровати.

"Это было хорошо?"

Она всхлипнула безмолвно.

Он опустил на колени рядом с ней и расстегнул ремень, который держал кольцо у нее во рту. Затем наручники; потом он осторожно вытащил зонд из ее растянутого ануса. Она вздрогнула и вздохнула с облегчением, но не отреагировала иначе.

«У меня есть для тебя подарок», - сказал он. «Но прежде чем я покажу тебе его, тебе нужно привести себя в порядок. Ты полностью залита соками, и я не могу выйти с тобой, пока ты выглядишь как грязная шлюха, которую только что трахнули».

Она вопросительно посмотрела на него. Он не дал никаких объяснений, но вместо этого поднял ее на руки и понес ее, как ребенка, в ванную.

Нет, не как ребенка, подумала она ... как предмет. Он положил ее в огромную ванну. Она двинулась, чтобы сесть; он крепко положил руку ей на плечо и оттолкнул ее назад. "Останься."

Даже не как объект ... даже это было не совсем верно. Больше как-домашнее животное. Домашнее животное, которое нужно было помыть, хотя оно и не хотело.

Он тщательно вымыл ее мыльной губкой с отстраненной точностью, все, что с ней делалось до сих пор, заставляло ее чувствовать себя рабыней, принадлежащей ему. Она боролась под его хваткой, выплескивая воду из ванны, но он удерживал ее и продолжал мыть. Он толкнул ее под воду; она начала сопротивляться, он наклонился над ванной и держал ее одной рукой, в то время как другой намывал ее волосы. Когда он закончил, он снова толкнул ее обратно под воду, чтобы все смыть.

Закончив, он вытащил пробку, чтобы слить воду из ванны. Она сидела неподвижно, не зная, что делать. Его рука двигалась между ее ног. "Тебе больно?"

Она вздрогнула, когда его пальцы коснулись ее и кивнула.

«Я не удивлен. Тебя очень сильно использовали последние пару дней. Твое тело еще не привыкло к этому. Подожди здесь».

Он ушел и вернулся с маленькой немаркированной бутылкой. «Это заставит тебя чувствовать себя лучше». Он выжал небольшое количество белого крема на пальцы. "Не двигайся." Он снова полез между ее ног и намазал кремом ее киску. Он нанес больше крема вокруг ее ануса.

Она действительно чувствовала себя лучше. Крем остудил и успокоил горящий огонь в ее перегруженной киске и заднице. Он натер небольшое количество на ее ноющие соски, и она застонала, когда боль исчезла. "Ммм, это хорошо", пробормотала она.

"Хорошо." Он встал и помог ей подняться, затем вытер ее большим пушистым полотенцем. «У меня есть для тебя подарок. Думаю, тебе понравится».

На столе в гостиной зоне находилась большая белая картонная коробка, завернутая в красную шелковую ленту с большим бантом на верху. Он вручил ее ей и улыбнулся. "Открой это."

Она осторожно взяла коробку из его рук, как будто ожидая, что он укусит ее. Когда этого не

случилось, она стянула ленту и открыла ее.

Внутри, укрытое слоями бумаги, было длинное красное платье. Она подняла его и подняла. "Оно прекрасно!" Внезапно и остро осознав свою наготу, она крепко прижала его к своему телу, словно щит.

«Оденься. Я хочу посмотреть, как ты в этом выглядишь».

Она вышла из комнаты, все еще покрывая свое тело развевающимся красным платьем, и закрыла за собой дверь спальни.

Прошло несколько минут. Дверь снова открылась, и она робко вышла. Энтони широко улыбнулся и протянул руку. "Хорошо? Дай мне посмотреть!"

Она скромно подошла к нему, опустив глаза. Платье коснулось пола позади нее. Это было гораздо более формально, чем все, к чему она привыкла; подол взметнулся вверх в куче сложного орнамента спереди, а декольте врезалось между ее грудями. Она чувствовала себя одновременно раздетой и обнаженной, как голливудская звезда в ночь получения Оскара.

«Ты выглядишь изумительно, - сказал он. "Иди сюда." Он взял ее за руку и притянул к себе. «Ты абсолютно красива. Это то, что мне нравится - секс-рабыня высокого класса».

Она покраснела и отвернулась. Он схватил ее за руку и притянул к себе; она хныкнула в знак протеста и толкнула его, когда он грубо поцеловал ее, заставляя его язык проскользнуть между ее губами. Его рука прижалась к ее бедрам через платье.

Она извернулась и отстранилась; он отпустил ее внезапно. «Заканчивай одеваться. Я собираюсь подготовиться, а потом мы уходим».

Что? Что ты имеешь в виду? Я одета! "

«Нет, это не так. Иди поставить шипы вокруг своих бедер.»

"Но..."

"Сейчас!" твердо сказал он. «Пришло время положить тебе некоторую ответственность за свои тренировки. Ты позаботишься о том, чтобы носить их всякий раз, когда по какой-либо причине выходишь из комнаты. Ты должна быть уверена, что они плотно и прикреплены. Иди!» Он отвернулся, отмахнувшись от нее, и полез в шкаф.

Она пошла обратно в спальню, не в силах оторвать глаз от пола. Трясущимися руками она взяла широкие резиновые ремни. Она обтянула каждый вокруг ее бедер так же, как делал он, и

слегка подпрыгнула, когда она закрыла каждый на крошечный замок. Ее сердце стучало, а губы дрожали; часть ее не могла принять то, как она стала соучастницей его сексуально-девиантного "обучения".

Когда она вернулась в гостиную, он одевался; формальный черный костюм, белая рубашка, галстук. Когда он закончил, он тепло улыбнулся и протянул ей руку.

Они вышли из отеля и направились на улицы города. Она шла неуклюже, ей мешало платье, когда она пыталась держать ноги достаточно далеко друг от друга, чтобы не дать жестоким металлическим шипам порезать гладкую кожу ее внутренней поверхности бедер. Он торопил ее, и она задыхалась каждый раз, когда металл царапал кожу. И только после того, как они шли почти десять минут, она наконец нашла ритм, который держал шипы вдали от нее, покачивая бедрами еще более преувеличенными движениями, чем раньше.

Глаза каждого мимолетного незнакомца были прикованы к ней, когда они шли. Она опустила голову, чувствуя себя обнаженной и уязвимой, видяние ее задницы приглашало всех, кто вставал на ее пути. Энтони быстро ускорился, заставляя ее спешить, чтобы не отставать.

В конце концов, когда наступил вечер, они направились к Лондонскому Тауэру, великолепному дворцовому памятнику завоевания. Он повел ее к одному из многочисленных ворот башни. «Удивительное чувство,» сказал он. «Каждую ночь здесь проводят церемонию, которую я всегда хотел увидеть. Главный эменский надзиратель запирает башню и вручает ключи для охраны. Они делают это уже пятьсот лет. Смотри!» Он полез в карман. "У меня есть билеты!"

Она не ответила, когда он показал билеты и провел их через ворота. «Правдивая история», - сказал он. «Только однажды в наше время эта церемония была прервана во время Второй мировой войны, когда нацистские бомбы упали прямо у башни. Какой большой беспорядок вызвал это! Надзиратель опоздал на несколько минут. В конце концов они решили не наказывать бедного, потому что это вина нацистов и все такое ». Он по-мальчишески улыбнулся. «Теперь это то, что я называю традицией».

<http://tl.rulate.ru/book/449/5000>